

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 327

Е. И. Зеленов

ВОСТОКОВЕДНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: К НОВОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Философы науки разработали понятие «нормальной науки», она же парадигмальная, и обосновали концепцию «парадигмы научного знания», отметив, правда, что в отличие от естественных наук гуманитарные дисциплины не обладают общепризнанной научной парадигмальностью [1, с. 11, 24–25]. Современное гуманитарное знание, стремясь «реабилитировать» себя перед науковедами, совершенствует теорию собственных наук, ведет напряженную работу по ее коррекции, а в случае успешного и продуктивного научного поиска и полной замене. Подлинная «наука должна быть деструктивной», — писал известный философ и религиовед Шломо Пинес [2, с. 10]. Теории нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были некогда отброшены: преемственность — важнейший аспект любого научного знания, в том числе и востоковедного, и новые теории нередко оказываются в органическом единстве с переосмысленными старыми.

Общепризнанно, что востоковедение — это комплексная наука, фундаментальную основу методологии которой составляет междисциплинарный синтез. Уточним, что буквально на наших глазах востоковедение переживает процесс собственного «научно-образования». На почве изучения азиатско-африканского ареала возникают многообразные исследовательские стратегии, объединенные единой идеологией научного анализа, базирующейся на принципах межкультурных коммуникаций.

Стратегическая цель новой парадигмы востоковедного научного знания — создание путем комплексного изучения стран и народов афро-азиатского ареала и их влияния на мировое развитие новой гуманитарной научной картины мира, необходимой для гармоничного существования человечества в целом и каждой личности в отдельности.

Почему именно востоковедение может стать наукой, объясняющей мир в целом? Прежде всего потому, что только востоковедение, понимаемое расширенно как востоковедение и африканистика, предлагает научно-гуманитарное обоснование дихотомии

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культуры Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

© Е. И. Зеленов, 2010

«Восток — Запад», что в интерпретации востоковеда означает «Азия-Африка и весь остальной мир».

Банально, но факт: мир стремительно меняется, меняется быстрее, чем отдельный человек. В последние десятилетия классическое востоковедение, рожденное парадигмой сильного Запада и слабого Востока, столкнулось с новой реальностью. Страны Востока одна за другой стали избавляться от комплекса неполноценности. Синдром «сильный — слабый» сменился самоощущением равенства, а порой даже превосходства и исключительности восточных обществ по отношению ко всем прочим. Создание положительного образа собственной страны, собственного этноса занимает прочное место в государственной политике Египта, Ирана, Индии, Китая, Турции, Пакистана, Японии и многих других азиатско-африканских государств. Процесс самопознания странами и народами Азии и Африки идет чрезвычайно стремительно и влияет на классическую востоковедную научную традицию, угрожает ей неадекватностью, побуждая к изменению.

Востоковедение способно и, более того, призвано создавать «адаптационные шлюзы» между моделями культуры и их более или менее устойчивыми формами — цивилизациями. Отнюдь не случайно сегодня ведутся споры о том, что составляет сущность востоковедения. В современном Китае, например, европейское востоковедение подвергается критике за субъективизм и сохранение атавизмов колониальной эпохи. Но при этом признается, что именно зарубежное (некитайское) китаеведение (ханьсюэ) стало важной составляющей научного китаеведения собственно в Китае (госюэ). Китайскими интеллектуалами делается попытка и более широкого противопоставления западного знания (сисюэ), западного ориентализма-востоковедения (дунфансюэ) и национальной науки (госюэ) [3, с. 500, 503, 506, 509].

Фактически востоковедение начинает серьезный спор не за объект исследования, а за ракурс рассмотрения проблемы. Дело в том, что китаевед-некитаец и китаевед-китаец отличаются именно ракурсом рассмотрения вопроса. Один действует в русле интровертного, другой — экстравертного логического мышления. В первом случае все силы брошены на покорение внешнего мира, во втором — на приспособление, говоря словами Карла Густова Юнга, к коллективному бессознательному [4, с. 16–17].

В Китае создается наука о себе самих и для себя — госюэ. Такой подход основывается не только на суждениях, но и на потоке образов, игре воображения, чувственной материи. Отсюда эмоциональность в оценках визави извне: он может знать, но ему не дано почувствовать. Возьмем на себя смелость сказать, что подлинное востоковедное образование (особым образом структурированное мировоззрение) разрушает эмоциональную бесчувственность, прививает способность вживаться в мир Восточного Другого.

А нужна ли парадигма востоковедного научного знания? Необходима ли она в такой же степени, в какой это было нужно двести лет назад, когда возникали европейские представления о Востоке как периферии европоцентристского мира? Попробуем ответить на эти вопросы.

Объяснительная способность европейского востоковедения утратила европоцентристскую направленность, когда задача заключалась в том, чтобы объяснить Восток для Запада. Существенно также, что европейское и североамериканское общества вобрали в себя такое количество представителей азиатско-африканских народов, что говорить о цивилизационной гомогенности, т.е. однородности, Запада уже не приходится. Ориентализм, а именно так всегда именовалось востоковедение в Европе, сегодня практически распался на разнородные дисциплины (филологию, историю, социологию, лингвистику, источниковедение и др.), прилагаемые к изучению определенных регионов.

С позиции межкультурных коммуникаций российское востоковедение, в отличие от европейского и североамериканского, изначально имело двойственный вектор развития: наряду с привнесенным европейской классической традицией вектором «европоцентризма» существовала и «восточная линия самопознания», носителями которой были образованные представители азиатско-африканского ареала. Между этими линиями развития непрерывно шла напряженная борьба, не дававшая, впрочем, победы ни одной из сторон [5, с. 2, 10–26, 28–30, 66–70, 109–111 и др.]. В известной мере это отражало два направления русской общественной мысли — западничество и славянофильство [6, с. 66–70].

Важно, что в дискуссиях относительно выбора идеологии Восточного факультета на равных участвовали собственно русские профессора и представители «восточных» этносов. Факультет восточных языков (как первоначально именовался Восточный факультет) Санкт-Петербургского университета был, как известно, учрежден указом Николая I в 1854 г., а открыт год спустя уже при Александре II. В 1856 г. вскоре после начала занятий в среде преподавателей факультета, коих по штату положено было быть шестнадцать, возникли нешуточные разногласия по вопросу о соотношении в программе обучения практических и теоретических знаний. В ответ на призыв правительства заботиться о «гармоничной стройности каждого факультета» первый декан Александр Касимович Казем-Бек направил ответ, в котором говорилось, что назначение факультета «есть чисто практическое» и что «ученая цель» должна занимать факультет лишь «насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских». Впоследствии споры о «предназначении факультета» и соотношении в его учебных планах и программах научных и практических курсов перекинулись на преподавательский состав. 24 ноября 1858 г. этот конфликт привел к добровольной отставке первого декана А.К. Казем-Бека. С 16 января 1859 г. пост декана перешел по предложению ректора к профессору А.О. Мухлинскому — стороннику гармоничной программы обучения со значительной научной составляющей. А.О. Мухлинский возглавлял факультет с 1859 по 1866 г., а затем на пост декана вновь вернулся А.К. Казем-Бек, что свидетельствовало не только об организационных способностях первого декана Восточного факультета, но и о незавершенности спора между наукой и практикой в российском востоковедении.

Конечно же, синдром «мифотворчества о Востоке» в известной мере был присущ и российскому востоковедению, поскольку оно возникло и развивалось преимущественно в формате европейской научной эпистемы. Однако оно никогда не было только инструментом колониального подчинения, напротив, наряду с исследованием зарубежной Азии оно серьезно изучало и собственно российские азиатские пространства.

Фактор самопознания делал российское востоковедение наукой мировоззренческой, которая не только занималась научным поиском, но и решала проблемы мироощущения и миропонимания. Адепту востоковедных знаний в России предоставлялась уникальная возможность, живя в европейско-азиатской стране, определять свое место в поликультурном, полицивилизационном, полилингвистическом государственном пространстве России. Российское общество находило в востоковедном знании важный компонент своего социального и культурного бытования, уравновешивавший утвержденный еще Петром Великим вектор проевропейского развития страны.

Востоковедение в момент своего зарождения в XVIII–XIX вв. опиралось на авторитет выдающихся ученых, изучавших конкретные страны Востока. Затем к концу XIX — началу XX в. стали складываться национальные востоковедные центры и школы. Наряду со страноведческой направленностью востоковедных исследований возникли мощные

горизонтальные интеграционные тенденции формирования лингвистических, литературоведческих, исторических, этнографических, экономических, социологических и иных знаний о странах Азии и Африки. К середине XX в. востоковедение стало признанной наукой, но почти сразу же столкнулось с новыми историческими реалиями эпохи глобализации. Это привело во второй половине XX в. к острому структурному кризису востоковедения, как, впрочем, и многих других гуманитарных наук. Крен в сторону специализированной дробности востоковедного знания (филология, история, экономика, право и тому подобные научные специализации) оставляет востоковедению удел ретроспективной научности. Уклон в углубленный страноведческий и иные пространственно ориентированные подходы изучения Востока превращает его в подвид регионоведения.

Выход из состояния кризиса для современного востоковедения оказался возможен на пути совмещения специализированных знаний и пространственного подхода при анализе общественных явлений. Говорят, новое — это забытое старое. Как знать, но в 1855 г. на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета не было специализаций «арабистика», «японистика», «китаеведение», тем более истории или филологии, сориентированных на отдельные страны, а были разряды: арабо-персидско-турецко-татарский, армяно-грузино-татарский, монголо-калмыцко-татарский, китайско-маньчжурский, еврейско-арабский, — к которым в 1856 г. был добавлен санскритотибетский. К слову сказать, именно в Высочайшем приказе о введении этого шестого разряда (23 ноября 1855 г.) факультет восточных языков впервые назван «восточным факультетом при Санкт-Петербургском университете». И уже с легкой руки Александра II название «Восточный факультет» прочно вошло в употребление, поскольку 9 декабря 1861 г. на заседании комиссии по устройству университетов стал вопрос «о желании *восточного факультета* иметь собственного профессора истории Востока» [3, с. 93, 115, 117]. И еще один примечательный факт: по представлению ученого совета факультета ученый совет Санкт-Петербургского государственного университета принял решение писать слово «Восточный» в названии факультета с заглавной буквы, поскольку его смысл в данном случае выходит за рамки чисто географического понятия.

Разрядность отражала изначально присущую востоковедному образованию лингвистическую и пространственную широту. На самом деле пространственный фактор занимал и, видимо, будет занимать все возрастающее значение в таких научных дисциплинах, как языкознание, культурология, география, история, экономика, правоведение, политология и многих других, сближая их с востоковедением, по отношению к которому они носят прикладной характер.

Современное востоковедение едва ли не единственная комплексная гуманитарная наука, способная изучать азиатско-африканский ареал, а с учетом исторического прошлого и обширные территории в Европе, включая Россию, если так можно выразиться, на пространственно-сущностном уровне, используя пространственно-ценностную парадигму исследования. Речь может идти о более чем 50% площади земли и более 70% ее населения, исследуемые как сами по себе, так и в контексте мирового развития. Совместить в рамках одной науки исследования столь обширных пространств со столь многочисленным населением в формате научной парадигмы, одновременно адаптивной и интегрирующей, — это грандиозная миссия современного востоковедения и возрождающегося европейского и североамериканского неоориентализма.

«Восток — это профессия», — сказал когда-то Бенджамен Дизраэли. С этим можно согласиться, поняв слово «профессия» как профессионализм в изучении восточных обществ.

В чем же проявляется профессионализм востоковеда сегодня? На наш взгляд, в первую очередь это изрядная языковая и филологическая подготовка, подкрепленная владением методикой научного мышления и конструирования. Научный образ — это ключевое понятие современной востоковедной научной парадигмы. Гуманитарная наука развивается с помощью образов — отображающих реальность ментальных конструктов, на самом деле сплошь и рядом далеких от реальной жизни. Как можно изучать город в отрыве от деревни, армию или судебную систему отдельно от государства, а миниатюру на слоновой кости отдельно от миниатюр на других материалах? Оказывается, можно и даже необходимо. Это профессионально зауженный подход, позволяющий достичь определенной глубины в изучении конкретного вопроса путем выделения в качестве объекта исследования абстрактной идеи-образа. Собственно, по этому поводу Бернард Шоу остроумно заметил: «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, болваном». Но «болван» в нашем случае не тот, кто изобретает идеи-образы и наполняет их научным содержанием, а тот, кто не понимает, зачем это необходимо. Дело в том, что сначала научный образ возникает в умах ученых. Непосвященным такой образ может на первый взгляд показаться даже курьезным или малозначимым. Однако затем происходит детальная проработка содержательной стороны образа — исследовательская аналитическая работа, после чего нередко научный образ начинает жить самостоятельной жизнью модели-матрицы.

Примечательно, что понятие «цивилизация», рожденное в лоне европейской мысли, прочно вошло в ментальное сознание многих восточных сообществ, обретя там собственную глокализованную (основанную на местных традициях) сущность. Идеи-образы цивилизации, пространственной и регионально-цивилизационной парадигм исследования, культуры, геокультуры и другие, как нам кажется, играют важную роль в формировании современной востоковедной научной парадигмы. Их объединяет то, что наряду с феноменологическим содержанием они таят в себе пространственную составляющую. *Современное востоковедение — это междисциплинарная интегрирующая наука, ставящая задачу изучать в максимально широком феноменологическом спектре многообразии искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения, творческой деятельности и уровней развития социумов преимущественно азиатско-африканского пространственного ареала, рассматривая их социокультурное бытование в контексте научной парадигмы глобального взаимодействия культур и цивилизаций.*

Бенедикт Спиноза говорил: *Omnis determination negation est* — «Всякое определение есть ограничение». Данное определение не единственное, не конечное. Оно лишь фиксирует определенный момент, парадигмальность, состояние и тенденцию развития науки. Однако, на наш взгляд, оно имеет право на существование как идея-образ и открывает возможности для дискуссии.

Литература

1. Кун Т. Структура научного знания. М., 2003.
2. Пинес Ш. Иудаизм, христианство, ислам. Парадигмы взаимовлияния. М., 2009.
3. Ломанов А. В. Изучение зарубежного китаеведения в КНР: культурно-цивилизационные аспекты // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М. Л. Титаренко. М., 2009.
4. Руткевич А. М. Жизнь и воззрения К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
5. Материалы по истории факультета восточных языков. Т. 4. Обзор деятельности факультета 1855–1905. Сост. проф. В. В. Бартольд. СПб., 1909.
6. Якунин В. И., Зеленева Е. И., Зеленева И. В. Российская школа геополитики. СПб., 2008.